

Соловьева Поликсена Сергеевна

Родные заветы

**Биографии замечательных
людей**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
П50

П50 **Поликсена Сергеевна С.**
Родные заветы: Биографии замечательных людей / Соловьева Поликсена Сергеевна – М.: Книга по Требованию, 2022. – 179 с.

ISBN 978-5-519-74881-0

ISBN 978-5-519-74881-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Монастыри были единственнымъ мѣстомъ, гдѣ въ это неспокойное время было, если и не совсѣмъ тихо, то все таки тише, чѣмъ на всей остальной Украинѣ.

Совсѣмъ тихо быть не могло, потому что борьба захватила даже и духовенство. Вотъ почему Даниїла не тянуло въ богатую лавру, несмотря на всю красоту ея тогдашнихъ садовъ съ абрикосовыми, тутовыми и миндальными деревьями. Она, какъ и весь Кіевъ того времени, тонула въ зелени, а изгороди ея садовъ, выходившія на улицу, заплетены были душистымъ жасминомъ и виноградомъ. Монахи, точно подъ стать окружавшей ихъ зелени, ходили въ зеленыхъ одѣяніяхъ, и въ ихъ просторныхъ кельяхъ было лучше, чѣмъ во всѣхъ другихъ монастыряхъ. У каждаго монаха было по три покоя, а окна выходили въ отдѣльный садикъ. Печки были сложены изъ цвѣтныхъ изразцовъ, замки у дверей — узорчатаго желѣза, а стѣны — покрыты живописью.

Хорошо и богато было въ лаврѣ, но Даниїль выбралъ для себя другой, болѣе тихій монастырь въ трехъ верстахъ отъ города. Этотъ старинный монастырь стоялъ на горѣ, и вся красота многоводнаго тогда Днѣпра и Кіева, съ его садами и горѣвшими на солнцѣ золотыми куполами церквей, оставалась у него передъ глазами, но шумъ городской жизни сюда не доходилъ. Ничто не мѣшало теперь Даниїлу жить, какъ онъ хотѣлъ, и заниматься въ тишинѣ. Семнадцати лѣтъ онъ принялъ постриженіе и съ этихъ поръ вмѣсто Даниїла, сталъ называться Димитріемъ.

Молодой монахъ, почти мальчикъ, удивлялъ всѣхъ въ монастырѣ своимъ усердіемъ, набожностью и необыкновенно любовнымъ отношеніемъ къ людямъ. Особенно ласково относился онъ ко всѣмъ несчастнымъ, убогимъ и нищимъ. Въ церковь онъ приходилъ еще до благовѣста, а уходилъ по-

слѣднимъ. Днемъ велъ письменныя работы, поручаемыя ему игуменомъ, и много читалъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ архіепископъ черниговскій, наслышавшійся объ учености и добродѣтельной жизни монаха Кирилловскаго монастыря, вызвалъ его въ Черниговъ для проповѣди народу по церквамъ.

Въ это тяжелое, тревожное время люди особенно нуждались въ словахъ утѣшенія и поученія, а проповѣдниковъ настоящихъ не было, и въ церквахъ послѣ службы, вмѣсто проповѣди, народу читали переведенныя съ греческаго поученія и житія святыхъ. Переводы были часто плохіе и невѣрные, да и церковно-славянскій языкъ, на который все это было переведено, былъ почти непонятенъ простому народу.

Но вотъ разъ, въ воскресенье, мудреное чтеніе по книгѣ не состоялось, а вмѣсто этого къ собравшемуся народу вышелъ молодой монахъ и просто и понятно заговорилъ о самомъ важномъ: о томъ, какъ должны жить настоящіе христіане. Среди величайшихъ несправедливостей, притѣсненій, смуть и раздоровъ онъ говорилъ о томъ, что сильный не долженъ обижать слабаго, что все зло, все горе и ужасы, подъ которыми изнемогаютъ люди,—все это отъ того, что они мало любятъ другъ друга, что все спасеніе въ любви.

Одну изъ своихъ проповѣдей онъ началъ такъ:

«Говорятъ, что въ наше время нѣтъ чудотворцевъ. Это неправда. Каждый можетъ сдѣлаться чудотворцемъ, если полюбить врага своего. Человѣкъ любовью своею, словно горящими угольями согрѣвающій душу врага, и въ себѣ самомъ превращаетъ горечь вражды и гнѣва въ сладость дружбы и любви. Этимъ путемъ онъ снова совершаетъ такое же чудо, какъ Моисей, превратившій горькую воду въ прѣсную и годную для питья».

Народъ сходилъся толпами въ ту церковь, гдѣ ждали проповѣди святителя Димитрія. Его стали прославлять не только на Украинѣ, но и за предѣлами ея. Одинъ городъ передъ другимъ старался зазвать молодого проповѣдника, а зазвавъ, дѣлалъ все, чтобы удержать его, какъ можно дольше. Святитель побывалъ даже въ Литвѣ, а потомъ снова вернулся на родину въ одинъ изъ монастырей, гдѣ черезъ нѣсколько времени его поставили игуменомъ. Это нисколько не измѣнило его отношеній съ братіей. Обращеніе его оставалось такимъ же простымъ и братски любовнымъ, какимъ было и раньше. О монастырѣ онъ очень заботился, но хлопоты по управленію его тяготили. Его, какъ всегда, тянуло въ тишину, къ любимымъ научнымъ занятіямъ. Кончилось тѣмъ, что онъ отказался отъ игуменства. Выбравъ самую уединенную келью, онъ остался въ томъ же монастырѣ, проводя дни въ молитвѣ, чтеніи священныхъ книгъ и сочиненіи проповѣдей.

Такъ жилъ онъ, пока его не призвали къ великому дѣлу его жизни — составленію Четыи Минеи, или книги житій святыхъ.

Съ давнихъ поръ житія святыхъ были самымъ любимымъ чтеніемъ, какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ Россіи. Ихъ читали свѣтскіе и духовные люди. Въ монастыряхъ ни одна трапеза не обходилась безъ такого чтенія. Но древнія жизнеописанія святыхъ сохранились только на сѣверѣ Россіи и въ началѣ XVI вѣка были собраны въ одинъ сборникъ «Великія Четыи-Минеи» митрополитомъ Макаріемъ. Въ южной же Россіи во время Батыева нашествія погибло множество драгоценныхъ книгъ и среди нихъ жизнеописанія святыхъ. Тѣ же, которыми пользовались, были большею частью переводы, и часто плохіе, съ греческаго, латинскаго и даже польскаго языка, сдѣланные на церковно-славянскомъ языкѣ,

мало понятномъ, особенно малорусскому народу. Дѣлалось нѣсколько попытокъ собрать всѣ эти житія и издать ихъ на болѣе понятномъ народу языкѣ. Но работа эта была огромная, и до святителя Димитрія выполнить ее никто не могъ. Онъ былъ единственнымъ, точно нарочно созданнымъ для нея, потому что въ немъ соединилось и большое образованіе, и краснорѣчіе, и любовь къ святымъ, и горячее желаніе показать людямъ настоящую христіанскую жизнь. Но работа, на которую его призвали въ Кіево-Печерскую лавру, казалась ему такой важной, что онъ долго колебался, прежде чѣмъ принять ее на себя. Долго сомнѣвался въ своихъ силахъ, пробовалъ отказываться, но, наконецъ, рѣшился и поѣхалъ въ Кіевъ.

Для занятій ему отвели уединенную келью, окнами выходившую въ садъ. Все было зелено и въ лаврѣ, и въ кіевскихъ садахъ, когда святитель въ началѣ іюня принялся за свой трудъ.

«Дай, Боже, свершится!» Этими словами записалъ онъ въ своемъ дневникѣ начало работы.

Много книгъ на разныхъ языкахъ пришлось разсмотрѣть святителю. Выписалъ онъ себѣ и «Великія Четы Миней» и житія святыхъ съ Аеона, написанныя по-гречески. Все пересмотрѣлъ, все провѣрилъ. Трудная и медленная это была работа, но когда читаешь эти существующія до нашего времени житія, то кажется, что составлявшій ихъ самъ жилъ со всѣми святыми, видѣлъ ихъ свѣтлыя лица, самъ былъ при ихъ подвигахъ и съ ними переживалъ всѣ мученія и страданія. Любовь, которою съ малыхъ лѣтъ горѣло его сердце къ этимъ настоящимъ христіанамъ, дѣлала ихъ для него живыми. Даже и языку, совсѣмъ особенному, научила его эта любовь. Сухой церковно-славянскій, которымъ писались всѣ

книги духовнаго содержанія, онъ оживилъ чисто народнымъ, и получилась рѣчь красивая, образная и болѣе близкая простымъ людямъ.

Всю работу онъ раздѣлилъ на четыре части, по три мѣсяца въ каждой, работалъ надъ первой частью цѣлыми днями и часто засиживался поздно ночью. Иногда ложился, не раздѣваясь, на какой-нибудь часъ, чтобы не пропустить утрени. Душа его была такъ полна образовъ святыхъ, такъ онъ сжился съ ними, что часто видѣлъ и во снѣ того святого, о которомъ писалъ.

Такъ, одинъ разъ приснилась ему великомученица Варвара. Она смотрѣла на него съ веселымъ и улыбающимся лицомъ и говорила ему слова одобренія и утѣшенія. А въ другой разъ, окончивъ поздно ночью описаніе страданій святого мученика Ореста, святитель прилежъ отдохнуть, не раздѣваясь, и увидѣлъ во снѣ св. Ореста.

— Я претерпѣлъ за Христа больше мукъ, чѣмъ ты написалъ,—сказалъ св. Орестъ и при этихъ словахъ открылъ грудь свою и показалъ на лѣвомъ боку большую рану.

— Это мнѣ желѣзомъ прожжено,—сказалъ онъ,—а это косою разсѣчено... Видишь ли теперь, что я больше за Христа претерпѣлъ, нежели ты написалъ?..

Въ это самое время утренній благовѣстъ разбудилъ святителя.

Цѣлыхъ двадцать лѣтъ писались Четьи Минеи. Печатались онѣ по частямъ. Когда первая часть была отпечатана, имя ея составителя стало извѣстно по всей Руси. Патріархъ благословлялъ его продолжать трудъ, а Петръ Великій захотѣлъ его послушать, когда онъ пріѣхалъ проповѣдывать въ Москву.

Много пришлось странствовать въ своей жизни святителю, часто посылали его съ мѣста на мѣсто по разнымъ городамъ и монастырямъ, но работы своей по Четыи Минеямъ онъ нигдѣ не прекращалъ. Куда бы онъ ни прїѣзжалъ, одной изъ первыхъ его заботъ было устройство спокойной кельи, гдѣ можно было безъ помѣхи писать. Работая надъ Четыи Минеями, онъ въ то же время не переставалъ говорить проповѣди.

Петра Великаго онъ любилъ, цѣнилъ его начинанія и часто уяснялъ слушателямъ смыслъ нѣкоторыхъ изъ заведенныхъ царемъ новшествъ, не сразу понятныхъ для народа. Такъ, въ одной изъ проповѣдей онъ говорилъ, что «достоинъ похвалы обычай уѣзжать въ чужія земли для изученія разныхъ наукъ, для обогащенія ума и сердца познаніями». Когда же царь велѣлъ брить бороды, и люди, державшіеся за старые порядки, стали волноваться, думая, что это искаженіе образа Божія, святитель долго увѣщалъ ихъ, толкуя темнымъ людямъ, что не въ бородѣ и въ лицѣ человѣческомъ заключается образъ Божій, но въ душѣ невидимой. И эти толкованія его спасли многихъ отъ ненужныхъ мученій.

Но любя царя и помогая ему, святитель и царю говорилъ правду. Такъ, въ одной изъ проповѣдей, сказанныхъ передъ царемъ, только что одержавшимъ побѣду, святитель напомнилъ ему, что милосердіе—это главное достоинство царя, а побѣда надъ самимъ собою—единственная настоящая побѣда.

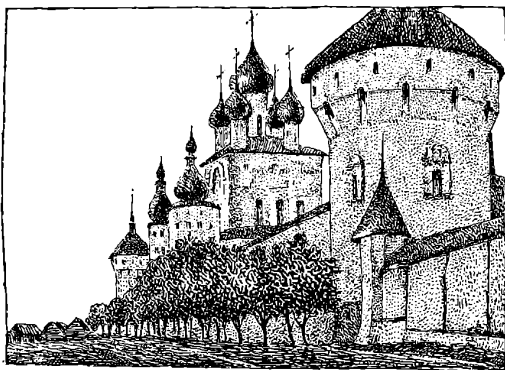
«На войнѣ царю помогаютъ военачальники, военачальникамъ—войско, и только въ борьбѣ съ самимъ собою человекъ бываетъ одинъ, и только побѣда надъ самимъ собою одна настоящая».

И Великій Петръ послѣ этой проповѣди еще больше сталъ цѣнить святителя. Желая его отличить и дать дикой тогда Сибири руководителя, онъ назначилъ его митрополитомъ

сибирскимъ. Но святитель захворалъ отъ отчаянія. Въ дикой Сибири работать надъ Четьи Минеями было совсѣмъ невозможно. Петръ Великій заѣхалъ навѣстить больного святителя и, вывѣдавъ отъ него причину болѣзни, сейчасъ же отмѣнилъ свое назначеніе, потому что понималъ, какъ тяжело человѣку отказаться отъ любимаго труда.

Скоро послѣ этого святитель былъ назначенъ митрополитомъ въ древній городъ Ростовъ.

Пріѣхалъ онъ сюда уже утомленный постоянными странствованиями и трудами, да и болотистый Ростовъ на берегу туманнаго и мелководнаго озера былъ ему вреденъ. Но духъ побуждалъ тѣло. Изъ-за морей, изъ-за границы, черезъ Архангельскъ выписывалъ себѣ митрополитъ нужныя книги для окончанія послѣдней части Четьи Минеи. Въ митрополичьемъ домѣ не было достаточной тишины, и онъ поставилъ себѣ уединенную дубовую келью. Келью эту велѣлъ расписать по стѣнамъ любимыми травами и цвѣтами.

Древній кремль въ Ростовѣ, гдѣ жилъ святитель
Димитрій.

Долго по ночамъ засиживался въ этой тихой кельѣ сухонкій, сгорбленный, одѣтый въ любимую зеленую рясу святитель. «Очи его», какъ онъ писалъ объ этомъ одному изъ своихъ друзей, «смотрѣли уже не попрежнему», онъ даже въ очкахъ видѣлъ плохо, руки дрожали, когда онъ писалъ,

а онъ все работалъ и день, и большую часть ночи. «Кончилъ, радуюсь!» такъ извѣстилъ онъ друга объ окончаніи любимого труда. «Теперь книжицу мою уже набѣло переписуютъ».

Но кончая Четы Миней, святитель не забывалъ и порученнаго ему Ростова. Сейчасъ же по приѣздѣ въ городъ онъ обратился къ народу съ проповѣдью, которая начиналась такъ:

«Господь послалъ меня, и я пришелъ съ любовью къ вамъ, какъ отецъ къ дѣтямъ, скажу больше, какъ братъ къ братьямъ, какъ другъ къ любимымъ друзьямъ своимъ».

Съ отеческой, братской, дружеской любовью сталъ онъ заботиться о ввѣренныхъ ему людяхъ. Народъ въ Ростовѣ былъ невѣжественный, а учить его было некому: сами священники знали мало, и вотъ святитель устраиваетъ школу при монастырѣ.

Въ это время на Руси были школы отдѣльныя для каждаго сословія, а онъ первый открылъ народную школу, куда могъ поступать каждый, кто только хотѣлъ учиться. Учителей не хватало, и митрополитъ часто самъ приходилъ учить, бесѣдовалъ съ учениками, самъ читалъ и толковалъ имъ священное писаніе. Во всѣхъ школахъ того времени постоянно употреблялись розги, въ новой же школѣ провинившемуся прежде всего совѣтовали помолиться святымъ. Заботясь о томъ, чтобы ученики могли хорошенько отдохнуть и развлечься, митрополитъ устраивалъ для нихъ прогулки въ поля и лѣса, катанья на лодкѣ по озеру, а когда самъ переѣзжалъ въ лѣтнее помѣщеніе подъ городомъ, то бралъ учениковъ къ себѣ на вакаціи. Въ школѣ много вниманія обращалъ на пѣніе и музыку. Устроилъ при школѣ театръ, гдѣ ученики сами расписывали декорации и играли. Для этого театра святитель написалъ двѣ духовныя пьесы: «Рождество» и «Эсеир».

И одновременно со всѣми этими трудами и заботами онъ не прекращалъ проповѣдей. Любовь его ко всѣмъ несчастнымъ и обиженнымъ все крѣпла.

Разсказываютъ, что разъ, когда онъ служилъ обѣдню, на правѣжѣ 1) кого-то били. Святитель, услышавъ стоны, послалъ сказать, чтобы истязаніе прекратили, а когда его не послушали, то не могъ и не захотѣлъ больше служить. Оставилъ церковь и въ страшномъ волненіи ушелъ совсѣмъ изъ Ростова въ ближнее село, гдѣ обыкновенно жилъ по лѣтамъ.

Особенно любилъ святитель Димитрій простой народъ—тотъ народъ, который по селамъ и деревнямъ нищенствуетъ, голодаетъ и терпитъ всякія неправды и притѣсненія. Нищихъ, настоящихъ нищихъ, которые по убожеству дѣйствительно не могутъ работать, онъ считалъ новыми мучениками и упрекалъ жестокосердыхъ людей, мало имъ помогающихъ. Самъ же раздавалъ все, что имѣлъ и получалъ, а денегъ и вообще ему отпускали мало. Разъ кто-то изъ духовенства прислалъ уже сильно прихварывавшему митрополиту полъ-бочки рыбы и онъ очень сокрушался, что, по бѣдности, ничѣмъ не можетъ отдарить.

«Отдать нечѣмъ. Убогъ я,—писалъ онъ.—Ничего, кромѣ книжицъ, не имѣю».

Здоровье его становилось все хуже, но замыслы о новыхъ работахъ его не оставляли.

«Помыслы мои за морями, а смерть за плечами», писалъ своему любимому другу митрополиту рязанскому святитель, а самъ продолжалъ трудиться, какъ и прежде.

Скончался онъ 28 октября 1709 г.

1) Должника, который не хотѣлъ или не могъ заплатить долга, били ежедневно палкой по ногамъ.

Трогательны дошедшіе до насъ рассказы о двухъ самыхъ послѣднихъ дняхъ его жизни.

Въ это время набожная царица Прасковья, вдова брата царя Ивана, вмѣстѣ съ дочерьми шла изъ Москвы на поклоненіе чудотворной иконѣ Пресвятой Богородицы. Икона была въ Ярославлѣ, и въ осеннюю распутицу туда пробраться оказалось невозможнымъ. Икону рѣшили принести въ Ростовъ и туда же направилась царица.

Святитель сдѣлалъ всѣ распоряженія о принятіи иконы и царицы.

— Въ Ростовъ идутъ двѣ гостыи—Царица небесная и царица земная, но я ихъ здѣсь уже не увижу,—сказалъ онъ. Черезъ три дня подошли его именины.

Святитель всѣхъ служившихъ у него и близкихъ всегда поздравлялъ съ днемъ ангела и дарилъ на сколько могъ, и у него самого въ этотъ день всегда бывали гости. И на этотъ разъ, несмотря на изнеможеніе и кашель, онъ хотѣлъ, чтобы не огорчать горячо любившихъ его ростовцевъ, провести этотъ день, какъ проводилъ его всегда. Самъ отслужилъ обѣдню, но изнемогъ: поученія сказать былъ уже не въ силахъ и приказалъ одному изъ пѣвчихъ читать его по тетради, самъ же сидѣлъ у царскихъ вратъ. За обѣдомъ съ гостями онъ сидѣлъ уже черезъ силу, но перемогался, чтобы не разстраивать собравшихся. Вечеромъ онъ, тоже черезъ силу, пошелъ навѣстить одну больную монахиню, бывшую мамку царевича Алексѣя, сына царя Петра. Отказывать онъ не привыкъ, но возвращаясь, едва добрался до своей кельи.

И здѣсь, вмѣсто того, чтобы лечь, позвалъ къ себѣ пѣвчихъ, и они пѣли ему имъ самимъ сочиненныя духовныя пѣсни: «Исусе мой прелюбезный», «Ты мой Богъ, Исусе, ты моя радость». Святитель слушалъ, прислонившись спиной къ печкѣ.